

A man and a woman are standing in a field of tall golden wheat at sunset. The man, on the left, is wearing a light-colored button-down shirt and dark pants, leaning against a tractor. The woman, on the right, is wearing a light-colored jacket over a blue shirt and holding a bundle of wheat. In the background, there is a wooden barn and a cloudy sky with a warm sunset glow.

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

МУЖИК.
ЕГО ЗЕМЛЯ –
МОЯ ПОДПИСЬ

**Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова
Мужик. Его земля
— моя подпись**

<https://litres.ru/74554158>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — столичный инспектор, он — потомственный фермер. Их встреча в эпицентре степной бури и пожара стала началом войны за уникальный сорт пшеницы и смертельной схватки с могущественной корпорацией. Ксения привыкла доверять фактам, Ярослав — земле. Но когда на кону будущее русского хлеба, им придётся объединиться. Смогут ли гордая москвичка и суровый богатырь отстоять своё право на любовь и землю? Роман о страсти, предательстве и триумфе, где подпись инспектора становится дороже жизни.

Содержание

Глава 1. Пыльная буря	5
Глава 2. Огненная межа	15
Глава 3. Хлебная усадьба	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виктория Шнайдер

Мужик. Его земля

— моя подпись

Мужик. Его земля — моя подпись

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Пыльная буря

Я удержала «Патриот» в колее: правое колесо подскочило на камне.

Воздух за лобовым стеклом плавился плотными слоями, превращая степной горизонт в зыбкое марево. Термометр служебного «Патриота» замер на отметке сорок один градус в тени. В салоне пахло раскаленным пластиком и горькой пылью; от усталости щипало глаза.

Я вела внедорожник по спекшейся глиняной колее, вцепившись в горячий руль. Позади осталась Москва: душные коридоры министерства, лощеный паркет Департамента растениеводства и стеклянные глаза моего бывшего жениха Вадима. Вадим, замначальника отдела сертификации, продал нашу помолвку за две недели — за служебную квартиру в ведомственном доме и кресло консультанта в совете директоров швейцарского концерна «Агро-Глобал Хим».

«Ксения, пойми, это прагматика, — говорил он мне, поправляя золотые запонки. — Концерн заводит на рынок готовую линейку гибридов с химическим пакетом. Миллиардные субсидии! А этот твой уральский самородок Светозаров со своим дедом Матвеем... Ну какие они селекционеры? Кустари. Составишь отрицательный акт обмолота, мы снимем сорт с испытаний — и вернешься в Москву моим первым замом».

Я сняла помолвочное кольцо, положила на его полированный стол и в тот же вечер подписала командировку на опытное поле урочища Красный Дол. Я была ведущим инспектором Госсорткомиссии, кандидатом наук, и за свою подпись под государственным актом отвечала сама.

В багажнике дребезжали опломбированные кейсы: мобильный спектрофотометр с кварцевыми кюветами, анализатор белка, реактивы и папки со строгими бланками госпробации. Планшет был закреплен на держателе у приборной панели.

Впереди, насколько хватало глаз, колыхалось море озимой пшеницы «Богатырь» — восемьсот гектаров янтарного, налитого колоса. В отличие от чахлых посевов соседних агрохолдингов, стебель «Богатыря» стоял прямо: толстый, грабный, увенчанный тяжелым зерном, налившимся даже в эту засуху.

Я свернула на межевую грунтовку у посадки пыльного карагача и заглушила мотор у межевого столбика. Тишина обрушилась тяжелым медным колоколом. Мне требовалось зафиксировать координаты контрольной точки и распечатать первичный акт осмотра.

Я распахнула дверь внедорожника. Раскаленный зной ударил в грудь острой горечью полыни. Я достала из багажника кейс со спектрофотометром и кожаную папку с гербом РФ.

И в эту секунду степь вздрогнула.

С запада донесся утробный гул, похожий на рев прибли-

жающегося товарного поезда. Небо у горизонта налилось свинцово-бурой мутью.

— Суховей... — выдохнула я.

Шквал налетел без предупреждения, словно выстрел из исполинской пушки смесью песка и щебня. Порыв ветра со скоростью под двадцать пять метров в секунду с силой рванул дверцу багажника, ударив меня о крыло. Кожаную папку вырвало из рук, планка скоросшивателя лопнула, и номерные бланки строгой отчетности — результаты апробации, сводные ведомости — белыми испуганными птицами взмыли в ревущий вихрь.

— Нет! Стой! — закричала я, но голос утонул в реве бури.

Песок забил глаза, острая пыль захрустела на зубах. Потеря первичных актов означала срыв регламента: юристы Штерна получают повод требовать снятия сорта с испытаний. Прижимая локтем кейс с прибором, я бросилась вперед по колее, хватая на лету кружащиеся листы. Поймала один, второй, упала на колени в колючую пыль. Обернулась — силуэт автомобиля растворился в белесой глиняной мгле всего в десяти шагах. Видимость упала до полутора метров.

Под подошвами мелко и грозно задрожала земля.

Дрожь шла из глубины пластов суглинка — монолитная вибрация стального колосса. Сквозь вой смерча прорезался басовитый рокот мощного дизеля.

Прямо из песчаного мрака на меня надвигалась исполинская желтая громада. Спаренные колеса выше моего роста

перемалывали грунт. Трактор шел на скорости, и его передняя рама вынырнула совсем рядом.

От ужаса ноги приросли к земле. Я вскинула кейс со спектрофотометром перед собой, защищая лицо.

Воздух взорвался оглушительным шипением пневматики. Заблокированные колеса со скрежетом пропахали суглинок. Трактор замер в полуметре от меня. Дверь кабины распахнулась, и на землю прыгнул человек.

Широкоплечий великан под два метра ростом, в расстегнутой выгоревшей рубаше из грубого льна и тяжелых армейских берцах. Обветренное до бронзы лицо, жесткий подбородок и светлые серо-стальные глаза. Последний лист моего календарного плана кувыркался в воздухе между нами. Мужчина выбросил руку — его широкая, в мозолях и масле ладонь перехватила бумагу на лету прямо перед моим носом.

— С ума сошла, девка?! — перекрывая бурю, прогремел его низкий голос. — Куда под колеса лезешь?!

Он заслонил меня от хлещущего ветра широкой спиной, и буря словно отступила.

— Я не девка! — задохнувшись от обиды и страха, крикнула я. — Я ведущий государственный инспектор Ракитина! Отдайте акт! Там под колесом еще один! Если его сомнет, ваш сорт снимут с госиспытаний!

Мужчина на миг опешил. В его глазах изумление сменилось жестким прищуром. Он наклонился, прижал лист подошвой берца, подхватил его, сгреб всю пачку бумаг и впе-

чтал мне в грудь, накрыв мои дрожащие пальцы своей раскаленной ладонью:

— Держи крепко закон, инспектор! А теперь марш наверх, пока щебнем не зашибло! Живо!

Он подтолкнул меня к стальному трапу трактора. Я ухватилась за поручень, но скользкая кожаная подошва городской туфли сорвалась с рифленой ступени. Я охнула, теряя опору и откидываясь спиной от верхней ступени.

Его правая рука, твердая как кованый стальной обруч, обхватила меня поперек талии. Он подхватил меня под бедра, прижал к себе, поднялся по трапу в кабину.

Он усадил меня у окна, захлопнул дверь и занял водительское место.

Рев бури приглушился толстым стеклом. Загудел кондиционер, обдав прохладой. В кабине пахло соляжкой, горячим металлом, сухим зерном и терпкой полыньей, исходившей от его разгоряченного тела.

Мужчина бросил взгляд в зеркало заднего вида:

— Твой джип там, у промоины?

— Там... — я судорожно прижимала кейс к груди. — В багажнике реактивы... Если стащит в овраг...

— Сиди здесь.

Он включил передачу и подвел переднюю раму «Кировца» к капоту «Патриота», уже кренившегося над промоиной. Выскочил со стальным тросом, соединил буксировочные проушины машин, вернулся за руль и сдал назад, натя-

гивая трос. Тяжелый «Кировец» выдернул внедорожник из опасной зоны и оттащил в подветренную ложину под прикрытие густого карагача. Ярослав снял трос, а я забрала из салона свой планшет.

Заглушив дизель, он повернулся ко мне. Снял кепку, потряхнул русыми волосами и внимательно оглядел меня: светлые растрепанные волосы, перепачканное пылью лицо, форменный жакет с оторванной пуговицей.

— Ну, здравствуй, ревизор, — с легкой хрипотцой произнес он. — Я — Ярослав Светозаров. Глава хозяйства.

Я попыталась расправить плечи:

— Ведущий инспектор Госсорткомиссии Ракитина Ксения Андреевна. Прибыла для проведения официальной апробации...

На последнем слове зубы выбили дробь, колени затряслись, пальцы выронили ручку кейса. Столичная выдержка рассыпалась от пережитого шока.

Ярослав молча снял с крючка тяжелый овчинный тулуп и властно укутал мои плечи. Густое тепло шерсти сняло ледяной озноб. Затем отвинтил крышку армейской фляги:

— Пей, Ксения Андреевна. Гордость в степную бурю не греет. Вода с нашего ледника.

Я взяла флягу обеими руками. Вода обожгла горло студенной чистотой. Я подняла глаза и встретила его серый взгляд. Он ждал, пока я выпью, придерживая флягу за донышко. И впервые за долгие месяцы ощутила себя под абсолютной за-

щитой.

Я еще стискивала прохладную флягу, когда ожила рация. Буря за окнами стихала. Сквозь помехи пробился сорванный крик:

— Ярослав! Светозаров, ответь! Беда!

Ярослав сорвал тангенту:

— На связи, Кузьмич! Что там?

— Горим! — кричал старый бригадир. — В Сухой балке сухостой полыхнул! Ветер прямо на четвертую делянку прет! Вал огня в два человеческих роста, через десять минут элиту слижет под корень!

Лицо Ярослава закаменело, на скулах вздулись желваки.

— МЧС вызывал?

— Звонил! Все цистерны на элеваторе в степи, там комбикорма занялись! Раньше чем через час не приедут! Мы одни, Ярослав!

— Собирай мужиков на МТЗ с дискаторами, отсекайте восток. А я захожу с запада восьмикорпусным плугом. Ксения, твоя машина у проселка, я вернусь сюда по меже. Будем резать целину до глины!

Он швырнул тангенту и повернул ключ зажигания. Дизель свирепо взревел.

— Держись за поручень, — бросил он, врубая передачу.

— Ярослав, стойте! — я сбросила тулуп и включила инспекторский планшет. — Сухая балка поросла терновником, там промоины! Куда вы напрямую?!

— На делянку суперэлиты, — сквозь зубы бросил он. — Если огонь зайдет на материнское поле, сорт погибнет. Срок лет селекции деда Матвея сгорят. Не отдам.

Трактор понесся по грунтовке. За кормой вздымался четырехтонный восьмикорпусный плуг. Земля летела комьями из-под спаренных колес. Мы вылетели на гребень, и у меня перехватило дыхание.

Впереди, на дне балки, бушевал огонь. Стена пламени высотой в три метра пожирала сухой ковыль. Черный маслянистый дым застилал небо, а порывистый ветер гнал пламя прямо на янтарный массив пшеницы. До делянок оставалось метров триста.

Путь перерезала каменистая промоина с осыпающимися краями.

— Перевернемся! — крикнула я при виде крутого глиняного откоса. — Плуг перевесит!

— Пройдем по нижней кромке.

Его пальцы на штурвале побелели. Ярослав заблокировал дифференциалы, включил пониженный ряд и повел тяжелую махину по дну промоины к пологому выезду. Трактор накренился, колеса со скрежетом раздробили плитняк, меня швырнуло на стойку, но «Кировец» выскочил на противоположный край прямо перед стеной дыма.

Черная гарь облепила стекла. Видимость упала до нуля. Воздух накалился.

— Ни черта не видно! — рывкнул Ярослав, привставая.

— Где межа делянки?! Если запашу контрольные всходы — сорту конец!

— Смотрите сюда! — крикнула я, пересаживаясь вплотную к нему и разворачивая планшет.

На экране светилась топографическая карта Госсорткомиссии с точностью до пяти сантиметров. Я включила прием сигнала с тепловизора на крыше трактора и вывела рядом карту с данными спутниковой навигации: межи делянок горели зеленым, а на термограмме пульсировал фронт пожара.

— Дифференциальная спутниковая навигация, — четко заговорила я. — Тепловизор видит сквозь дым! Вот межевой столб делянки номер четыре. До нее сто двадцать метров. Берите вправо на три градуса, Ярослав! По зеленой линии!

Ярослав бросил взгляд на экран, затем на меня — в его глазах вспыхнул огонь:

— Держись, штурман!

Я увеличила масштаб съемки дна балки и вдруг онемела.

— Стойте... — прошептала я, приближая зум. — Посмотрите на очаг!

На дне оврага тепловизор зафиксировал прямую полосу огня. На краю полосы двигалась человеческая фигура. Сквозь просвет в дыму на обычном канале камеры я разглядела спецовку и оставленную в кустах канистру.

— Канистра... Ярослав, нас подожгли! В ветровом створе!

Ярослав сжал челюсти так, что слышался хруст:

— «Агро-Глобал Хим»... Штерн грозил, что урожай мы не соберем. Твари.

— Я сохранила термограмму с координатами, — твердо сказала я. — Передам следователю. Пусть попробуют объяснить канистру у очага. Но сейчас — огонь! До межи пятьдесят метров!

— Плуг на опускание! — скомандовал он себе.

Температура двигателя взлетела в красную зону — сто пять градусов. Ярослав включил принудительное охлаждение двигателя. Восьмикорпусный плуг с грохотом рухнул на твердую как гранит межу.

Ярослав навалился на штурвал. Стальные лемеха со страшным скрежетом вонзились в грунт. Четыреста двадцать лошадиных сил потянули сцепку, и за трактором потянулась широкая полоса вывернутого черного суглинка. Под сухой коркой еще оставалась влага.

Ветер переменялся. Пламя накренилось к полю.

Глава 2. Огненная межа

Мы шли по кромке поля, отсекая огонь свежей бороздой. Но ураганный порыв ветра крутанул пламя, сорвал горящие пучки ковыля и перебросил через борозду. Снопы искр брызнули на крайние ряды созревшей пшеницы. Сухие ости вспыхнули с треском. Огонь побежал по стеблям внутрь массива.

До лощины с моим «Патриотом» оставалось одно плечо межи.

— Прорвало! — крикнул Ярослав.

Он затормозил, поставил трактор на стояночный тормоз, выхватил тяжелую штыковую лопату и по трапу ринулся к огню.

Широкими ударами лопаты он сбивал огонь, засыпал очаги сырой землей, затапывал угли берцами. Три очага он сбил, но из балки вырвался новый огненный вихрь: вспыхнул куст сухой караганы за его спиной, превратившись в трехметровый факел и отрезав Ярослава от трактора.

Великан оказался в огненном кольце. Край рубахи на его спине задымился.

— Ярослав! — крикнула я.

Страх за себя исчез. Я выскочила из кабины, сбежала по трапу и бросилась к своему внедорожнику в лощине. Распахнула заднюю дверь. На кронштейне висел заправленный

двадцатилитровый ранцевый лесной огнетушитель с ручным насосом.

Я сорвала фиксатор, взвалила тяжелый ранец на спину, затянула ремни и, сгибаясь под тяжестью, побежала в дым. Жар обжег лицо, волосы на висках свернулись.

— Ярослав, ложись! — крикнула я, выхватывая распылитель.

Ярослав припал к земле. Я заработала насосом, направляя струю воды в основание горящего куста. Огонь зашипел, захлебнулся паром и осыпался черными углями.

Кольцо разорвалось. Ярослав выкатился из ловушки, вскочил на ноги и замер, ошеломленно глядя на меня — хрупкую женщину с двадцатикилограммовым ранцем за спиной.

— Ты откуда здесь?! — хрипло выдохнул он.

— Меньше вопросов, Светозаров! Плуг! Огонь на меже!

Ярослав поднялся в кабину, а я поставила пустой ранец на межу и вслед за ним взбежала по трапу. Он снял трактор с тормоза, включил передачу, но раздался оглушительный металлический скрежет и тяжелый удар. Навеска вздыбилась.

Ярослав высунулся в окно и выругался:

— Плитняк! Лемех налетел на скрытый монолит! Болт лопнул, стойку скрутило винтом и зажало в расщелине скалы! Трактор буксует, не сдвинем!

Он заглушил двигатель, поставил трактор на тормоз и выскочил наружу с тяжелым кованым ломом. Стальная стойка

плуга толщиной в ладонь была намертво заклинена между каменными пластами. До пламени оставалось тридцать метров. Искры дождем сыпались на нас.

Ярослав загнал жало лома под металл, навалился всем весом. Мышцы вздулись буграми, вены на шее налились кровью, сталь звенела, но гранит держал намертво.

— Помоги... — прохрипел он, обливаясь потом. — Сейчас перехлестнет...

Я метнулась к внедорожнику, вытащила из рундука пяти-тонный гидравлический домкрат, подтащила его по рыхлой земле:

— Ярослав, держи лом в распор!

Я упала на колени в щебенку, втиснула домкрат в трещину гранита под заклинившей стойкой и вставила рукоять:

— Давай вместе! На три-четыре!

Я всем весом начала качать рычаг гидроцилиндра. Ярослав уперся ногами в грунт и налег на лом обеими ладонями. Шток домкрата поднял стойку, а Ярослав отводил ее в сторону от камня.

— Раз! Два! Взяли-и-и! — взревел он.

Металл взвизгнул, край гранитной плиты откололся, и согнутый лемех со звоном вырвался из каменного капкана!

— Свободен! — крикнула я.

И в этот миг порыв ветра швырнул горящий пучок полыни мне в плечо. Синтетическая ткань полевой ветровки, которую я накинула у машины поверх жакета, вспыхнула, огонь

метнулся к моим волосам.

Я успела лишь вскрикнуть.

Ярослав среагировал со звериной быстротой. Он сбил меня с ног на влажную землю, накрыл своим могучим телом и голыми руками, сминая горящую ткань, начал сбивать огонь. Я слышала шипение ткани, видела его искаженное болью лицо. Он принимал пламя на свои ладони и предплечья, закрывая меня собой.

— Все... погасил, — выдохнул он, тяжело дыша мне в висок.

Он лежал на мне, и я чувствовала бешеный стук его сердца. Погасшая ткань дымно липла к земле. А его ладони... Кожа на кистях была сожжена до волдырей и копоты.

А перед нами стена пламени с гулом накатилась на свежевспаханную борозду. Ударилась о сырую глину, зашипела и начала бессильно угасать. По восточной кромке показались тракторы Кузьмича. Один трактор закрыл разрыв у нашего плуга, остальные расширяли заградительную полосу; огонь оседал вдоль всего поля. Наши восемьсот гектаров оставались за черной межей.

Ярослав сел на землю и посмотрел на свои руки. Пальцы мелко дрожали от боли.

— Ярослав... — прошептала я, поднимаясь на колени. Слезы обожгли глаза. — Ваши руки... Зачем голыми руками?!

— Пустяки, Ксения. До свадьбы заживет, — через силу

усмехнулся он. — Главное — хлеб удержали.

— Молчите! — прикрикнула я дрожащим голосом.

Я перехватила его запястья, подвела к тракторному трапу. Достала аптечку и воду из запаса в машине, сорвала со своей шеи белый льняной платок. Присев возле трапа, я поливала его пальцы прохладной водой, остужая жар. Великан вздрагивал, сжимая зубы, и сам подставлял ладони под струю.

Я прикрыла ожоги стерильными салфетками, закрепила их бинтом и подвязала кисти чистым платком. Он опустил голову, и наши взгляды встретились. В его глазах стояло такое глубокое мужское тепло, что у меня перехватило дыхание.

— Спасибо, Ксения, — тихо сказал он. — С тобой и огонь пройду.

Я опустила глаза на узел платка и с трудом справилась с бантом: пальцы дрожали теперь от его голоса.

Кузьмич махнул нам с соседней полосы: крайние очаги дотушивали лопатами. Я наконец выпрямилась возле трапа.

Солнце клонилось к закату, заливая степь багровым золотом. Дым рассеялся, оставив черную полосу пожарища за нашим рвом.

Я укладывала бинты, когда случайно взглянула на дальний западный угол массива. Там, на пригорке, стоял деревянный каркас, обтянутый белой марлей — селекционный изолятор. Над ним вился сизый дымок.

— Ярослав, смотрите! — вскинулась я.

Ярослав побледнел под копотью:

— Питомник нулевой репродукции... Дед Матвей там вручную сорок элитных кустов высаживал! Искру занесло!

Он попытался встать, но покачнулся от слабости.

— Сидите! Я сама!

Схватив секатор и полевую двадцатикратную лупу, я побежала по меже. Нулевая репродукция — сердце сорта! Если погибнут материнские растения, мы лишимся главного живого образца авторской линии. Юристы Штерна оспорят заявку.

Угловой брус изолятора уже горел, марля тлела в двадцати сантиметрах от колосьев. Вход преграждала стальная сетка, запертая на проволочную скрутку.

Забыв о боли, я ухватила голыми руками за раскаленную проволоку. Сталь резала кожу, но я навалилась на угловой столб и выломала сетку наружу. В этот миг горящая перекладина шатра рухнула вниз.

Я бросилась вперед, уклонилась от падающего бруса, уперлась плечом в его холодный конец и столкнула в борозду, затем сбила тлеющую марлю подошвами.

Они были живы.

Из сорока уцелели тридцать. Мощные растения озимой пшеницы стояли передо мной. Стебли толщиной с мизинец, колосья длиной в ладонь с тяжелыми янтарными зернами. На каждом кусте покачивалась выбитая вручную латунная бирка деда Матвея.

Я достала секатор и срезала тридцать эталонных стеблей под самый корень, прижав сноп к груди как ребенка. Вылущила одно зерно, сделала срез и прижала лупу к глазу.

Эндосперм был стекловидным, плотным, как янтарь. Зародыш на срезе сохранил нормальный цвет; ни потемнения, ни следов обугливания. Жизнеспособность проверим проращиванием, но сейчас передо мной лежало полное зерно, налившееся в сорокаградусную жару!

— Выстояли... — выдохнула я. — Вот вам и уральские кустари!

Я побежала к внедорожнику, достала из багажника титановый тубус с вакуумным уплотнителем. Бережно уложила сноп, закрутила крышку и сжала пломбиратором свинцовую пломбу с гербом РФ и личным номером инспектора «047». Считала штрихкод сканером и отправила пакет в федеральный реестр:

«Эталонный образец суперэлиты сорта "Богатырь", нулевая репродукция. Опечатан гербовой пломбой №047 инспектора Ракитиной К.А. Неприкосновенный государственный арбитражный фонд».

С тубусом в руках я отошла от открытого багажника.

Вечернее солнце коснулось горизонта. Ветер утих. Спасенное поле тихо звенело золотыми колосьями.

У тракторного трапа стоял Ярослав с забинтованными моим платком руками. Он смотрел на тубус, затем на мои исцарапанные пальцы и порванную куртку.

Этот могучий богатырь присел на корточки у нижней ступени трапа, прямо в солом у моих ног.

— Ярослав... что вы делаете? — прошептала я.

Он бережно взял мои израненные пальцы в забинтованные ладони и поднес к губам. Его дыхание обожгло кожу. Он поцеловал кончики моих обожженных пальцев — так нежно и глубоко, словно прикасался к святыне.

— Спасибо тебе, Ксения... — произнес он вздрагивающим басом. — Ты спасла наше семя. Ты за наш хлеб своей кровью встала. Дед Матвей сорок лет этой пшенице отдал, отец на меже с инфарктом лег... А ты пришла из Москвы — и собой наш колос закрыла. До конца дней перед тобой в долгу буду.

Сладкая волна прокатилась от пальцев к сердцу. Столичная броня, горечь предательства, страх — все сгорело в этом огне. Я смотрела на него и знала, что пойду за ним куда угодно.

Ярослав поднялся на ноги и встал вплотную. Его серые глаза смотрели с нерушимой мужской силой:

— Теперь ты видела наше поле в огне, Ксения. Пора показать тебе, как это семя живет в доме. Поехали на базу, будем раны лечить. Кузьмич заберет твою машину, сегодня тебе за руль нельзя.

Я молча кивнула, прижимая запечатанный тубус к груди, и поднялась к нему в кабину.

— Дед нас ждет, — сказал Ярослав. — И про твой акт

спросит сразу. Помни, инспектор: я рядом.

Глава 3. Хлебная усадьба

Я спустилась с металлической подножки трактора на широкий, чисто выскобленный дощатый настил двора. Ноги гудели от чудовищного напряжения прошедшего дня. На мне была обгоревшая на правом плече форменная ветровка, лицо стянуло сухой коркой сажи и степной пыли, а обожженные подушечки пальцев пульсировали тупой, навязчивой болью.

Сумерки опускались на степь медленно, окрашивая бескрайний горизонт в пепельно-сиреневые и густые медовые тона. Дизель «Кировца» во дворе центральной усадьбы Светозарово в последний раз глухо щелкнул остывающим блоком цилиндров и смолк. На смену реву мотора и треску пожарища пришла звенящая, благословенная тишина, в которой отчетливо слышался сухой переливчатый стрекот степных цикад и шелест листвы.

Рядом стоял Ярослав. Его богатырские ладони были прикрыты стерильными салфетками и подвязаны моим белым льняным платком, но в серых глазах мужчины светилось глубокое хозяйское тепло.

Усадьба Светозаровых разительно отличалась от унылых казенных баз агрохолдингов. Вокруг просторного двора раскинулся старый яблоневый сад. В вечернем воздухе стоял пьянящий, густой настой: терпкий дух созревающей анто-

новки, смолистый дымок березовых поленьев и прохладное дыхание близкой степной речки. После раскаленного песчаного ада и едкого дыма Сухой балки этот двор казался тихой гаванью, чудом уцелевшей среди свирепой стихии.

— Пойдем, Ксения, — негромко, с бархатной хрипотцой в голосе произнес Ярослав, бережно подхватывая мой лабораторный чемодан ремнем на предплечье. — Перво-наперво смыть с себя эту степную гарь, а ожоги фельдшер посмотрит. Баня истоплена, дед еще в полдень березовых дров подкинул.

Он провел меня по узкой дорожке, вымощенной уральским плитняком, в самую глубь сада. Там, под сенью вековых раскидистых яблонь, стояло рубленое строение из потемневшего кедрового бруса. Я переступила порог просторного предбанника, залитого мягким янтарным светом керосиновой лампы. В нос ударил густой, целебный аромат сухого чабреца, душицы, зверобоя и распаренной березы.

Я попыталась расстегнуть пуговицы прокопченной форменной куртки, но сожженная кожа на пальцах отозвалась невыносимой, колющей болью. Руки задрожали, отказываясь подчиняться. Чувство бессилия и глупый девичий стыд перед собственной слабостью обожгли горло слезами. Я бессильно опустилась на гладкую липовую скамью, до крови закусив нижнюю губу, сдерживая подступившие всхлипы.

Дверь за моей спиной мягко скрипнула. В дверном проеме вырос исполинский силуэт Ярослава. Он молча внес в

предбанник деревянный ушат со студеной колодезной водой и пузатый глиняный горшочек с темной, тягучей мазью. Поставив все на скамью, богатырь присел на низкий банный чурбак напротив меня.

— Давай сюда руки, ревизор, — тихо и непререкаемо командовал он.

— Ярослав, у меня в чемодане аптечка... спиртовой хлоргексидин... по регламенту положено продезинфицировать, — попыталась слабо возразить я, но голос предательски дрогнул.

— Спиртом ты живую плоть с корнем сожжешь, — покачал головой Ярослав, глядя мне прямо в глаза. — Кожа обожжена, спирт только добавит боли. Водой охладим, прикроем чистым. Кузьмич за фельдшером съездит. Дедов бальзам оставим до заживления.

Он снял восковую крышку с горшочка. Предбанник наполнился смолистым, горьковатым ароматом реликтовых березовых почек, свежей кедровой живицы, прополиса и топленого барсучьего жира. Я несмело протянула к нему дрожащие руки.

Его прикосновение оказалось поразительно деликатным, почти невесомым. Мужчина, который всего пару часов назад освобождал плуг из каменного капкана, касался моих обожженных пальцев с благоговением ювелира. Он придерживал мои запястья через чистую ткань, поливая кисти прохладной водой из ковша. Потом прикрыл волдыри стериль-

ными салфетками. Бальзамом осторожно смазал целую кожу выше запястий, где ее стянуло от суховея.

После прохладной воды жжение ослабло. Я распрямила спину, перестала кусать губу. По венам разлилось тягучее, сладкое тепло. Ярослав на секунду замер, держа мои ладони у самой своей широкой груди. Я явственно ощутила мощные, частые удары его сердца. В полумраке предбанника его серые глаза потемнели, в них вспыхнуло глухое пламя мужского влечения. Воздух между нашими лицами сгустился так, что стало трудно дышать.

Он задержал взгляд на моих губах и выдохнул. Ярослав осторожно опустил мои руки мне на колени, поднялся во весь свой исполинский двухметровый рост и отступил к выходу:

— Пар легкий, на полыни и чабреце. В парную сегодня повременим. Теплая вода в моечной, Ксения, чистое полотенце рядом. Я здесь, на крыльце посижу, посторожу твой покой.

Дверь закрылась. Я разделась и шагнула в кедровую моечную. Здесь было тепло, от приоткрытой двери парной тянуло чабрецом. Я осторожно смыла сажу с лица и шеи мягкой влажной тканью, обходя ожоги. Смывая въевшуюся сажу и пыль, я чувствовала, как вместе с копотью из души вымывается тяжелое столичное напряжение, горечь предательства Вадима и вечный страх за карьеру, уступая место перевозданной чистоте.

Когда я вытерлась, приехал фельдшер. Осмотрел наши кисти, сменил повязки и велел наутро показаться в амбулатории.

Вернувшись в предбанник, я с удивлением увидела на лавке у зеркала стопку чистого льняного белья и васильковый хлопковый сарафан с широким колоколом подола и тонкой шелковой вышивкой по вороту. Моя служебная одежда превратилась в прожженное рваньё. Я натянула сарафан через голову: плотная ткань ласково обняла грудь, подчеркнула тонкую талию и мягко легла на бедра. В зеркале я увидела открытые плечи, рассыпавшиеся волосы и синюю ткань, оттенявшую глаза. Провела ладонью по талии, улыбнулась себе.

Босиком я спустилась по лиственничным ступеням крыльца в ночной сад. Ярослав сидел внизу, опершись локтями на колени и глядя в звездную бездну. Услышав шорох ткани, он обернулся и замер. В его взгляде вспыхнуло такое неприкрытое, чистое восхищение, что по моей коже пробежали мурашки.

— Тебе к лицу наше синее, Ксения, — негромко произнес он, поднимаясь и подавая мне глиняную кружку с парящим отваром шиповника. — Словно ты всю жизнь по этой траве ходила. Пойдем в дом. Дед Матвей уже самовар поставил, ждет нас к вечеру.

На веранде Ярослав отодвинул для меня тяжелый стул. Главный дом Светозаровых дышал вековым, непоколеби-

мым основательным покоем. Широкая застекленная веранда была залита мягким ламповым светом. На длинном дубовом столе пытел начищенный медный тульский самовар, стояли глиняные миски с малосольными огурцами в укропе, пареной репой с лесным медом и дымящейся в чугушке запеченной стерлядь.

Во главе стола сидел старик. Кряжистый, широкоплечий, с гривой седых волос и хищным орлиным профилем — Матвей Захарович Светозаров, легендарный селекционер, отдавший земле полвека.

Дед встретил меня неподвижным взглядом. Его колючие, глубоко посаженные глаза из-под кустистых бровей буравили меня с ледяным, испытующим прищуром.

— Здравствуйте, Матвей Захарович, — сказала я, подходя к столу и дождавшись, пока старик поднимет глаза. — Государственный инспектор Ракитина. Спасенный сноп супер-элиты опечатан в тубус. Основной массив огонь обошел. В изоляторе уцелели тридцать растений из сорока.

Старик медленно опустил взгляд на мои забинтованные пальцы, затем скользнул по рукам внука. Желваки на его обветренном лице дрогнули, но голос прозвучал жестко:

— Слышал я про вас, столичных гостей. Говорят, кандидат наук? Ну скажи мне, ученая барышня, почему обычная твердая пшеница при сорока градусах зерно щуплит, а наш «Богатырь» наливается и стекловидность держит? Формулу мне давай, без министерских методичек!

Это был строгий экзамен на профессиональную состоятельность. Я расправила плечи и разложила биохимический механизм:

— У «Богатыря» выражена защитная реакция на перегрев, в том числе синтез белков теплового шока Хсп-70. Они помогают клеткам сохранять работу белков при стрессе. Но зерно наливается еще и благодаря воде: корни достают влагу из глубоких слоев. В прошлогодних анализах стекловидность девяносто четыре процента. После этой жары проверим заново.

Дед Матвей крикнул в седые усы и коротко переглянулся с Ярославом:

— Ишь ты... Без запинки отчеканила, будто в учебник глядела. А теперь правду скажи, дочка: по чьей указке тебя к нам прислали? Сколько тебе Штерн из «Агро-Глобал Хима» пообещал за отказной акт? Они три года наши семена со свету сжить пытаются.

Кровь бросилась мне в лицо от незаслуженной пощечины. Я резко выпрямилась, глядя старику прямо в глаза:

— Мой отец, Андрей Ракитин, тридцать лет комбайнером на алтайской целине отпахал! За штурвалом «Нивы» в уборочную с инфарктом лег, прямо на хлебном поле! Я памятью отца не торгую, Матвей Захарович! И сюда приехала не за подачками, а затем, чтобы наш русский хлеб чужие дельцы не смели называть некондицией!

В тишине веранды звенело гудение самовара. Суровое ли-

цо деда дрогнуло, жесткие морщины разгладились, а в уголках выцветших глаз блеснули слезы. Он с размаху опустил тяжелую ладонь на дубовую столешницу так, что звякнули ложки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.